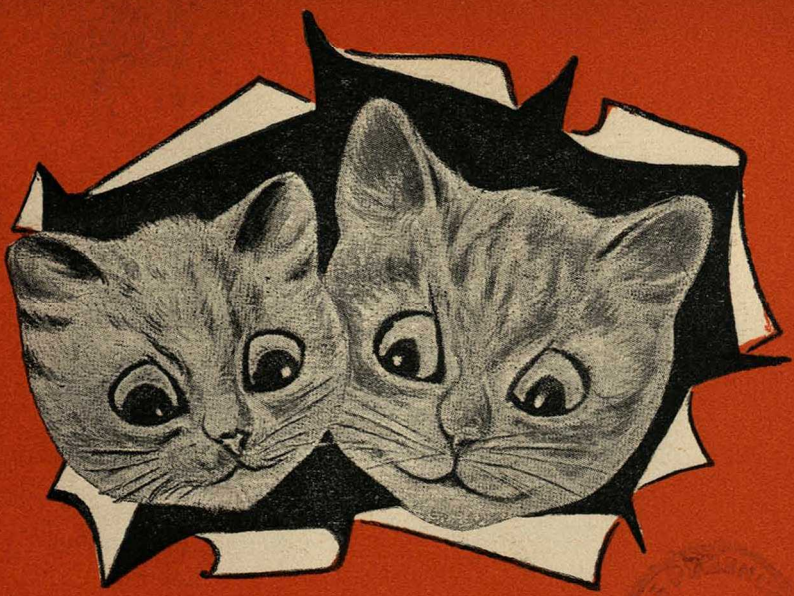

Ученымъ Комитетомъ министерства Народнаго просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ учебныя библіотени городскихъ училищъ.

145
1/10.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.
АВГУСТЪ.
№ 19.
1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТИГРЫ.
ДОЖДЛИВОЕ ВРЕМЯ.
ДРУЖОКЪ И ОМКА (повѣсть).
ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.
ИСПЫТАНІЕ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Игра въ звѣрки.
«Въ Смутное время», — историческій романъ (листъ 8-й).
Выкройка капора для дѣвочки и шапочки для мальчика.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Случается, что въ самый разгаръ борьбы крокодилъ со всего размаха ударяетъ тигра своимъ могучимъ хвостомъ по головѣ, оглушаетъ его, хватается за ногу и уноситъ въ воду.

ТИГРЫ.

Тигръ принадлежитъ къ кошачьей породѣ. Это самое свирѣпое животное изъ всѣхъ кошекъ, но въ то же время и самое красивое. Ни одно животное въ свѣтѣ такъ упорно не ведетъ борьбу съ человѣкомъ, какъ тигръ. Часто онъ заставляетъ уйти человѣка изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ поселится самъ, но ни за что не уступитъ человѣку и не уйдетъ изъ того мѣста, гдѣ желаетъ остаться со всѣмъ. Онъ не убѣгаетъ, какъ левъ, изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ начинаетъ селиться человѣкъ, а, наоборотъ, самъ идетъ на встрѣчу опасности и старается, какъ можно коварнѣе и исподтишка нападать на людей. Свирѣпость и кровожадность его не имѣютъ предѣловъ.

Тигръ живетъ вездѣ, гдѣ только можетъ жить кошачья порода. Онъ водится и въ Индіи, и въ Китаѣ, и въ Персіи и даже у насъ, въ Приамурскомъ краѣ и въ Закавказьѣ. Обыкновенно онъ держится въ тростниковыхъ болотахъ, высокихъ кустарникахъ и въ поляхъ, засѣянныхъ высокими хлѣбами. Горь онъ не любитъ и его рѣдко встрѣчаютъ даже на высокихъ плоскогоріяхъ. Любимымъ его мѣстопробываніемъ являются топкіе, заросшіе камышами, берега рѣкъ и въ особенности развалины древнихъ городовъ, гдѣ онъ любитъ взобраться на карнизъ какого-нибудь древняго храма и грѣться на солнышкѣ.

Въ древнемъ, развалившемся, покинутомъ всѣми, городѣ Персеполисѣ оницѣлыми десятками бродятъ ночью по развалинамъ, а днями отдыхаютъ на карнизахъ и на обвалившихся лѣстницахъ. Разъ избравши для своего логовища какое-нибудь мѣсто, тигръ уже не покидаетъ его многіе годы, какъ бы неудобно оно ни было и какъ бы хороши ни были по сосѣдству другія мѣста. И если такой тигръ погибаетъ или поневолѣ переселяется въ другое мѣсто, то тотчасъ же его опустѣвшее логовище занимаетъ другой тигръ.

Тигръ чрезвычайно ловокъ. Всѣ его движенія легки и изящны. Онъ подкрадывается такъ, что его не слышно даже на близкомъ разстояніи; онъ умѣетъ такъ скоро бѣгать, что ни одна лошадь его догнать не можетъ. Если ему на пути попадаетъ рѣка, то онъ прекрасно ее переплываетъ, хотя купаться въ ней не любитъ. Его прыжки красивы и велики: онъ прыгаетъ сразу на шесть аршинъ. На деревья же онъ вовсе не взлѣзаетъ и, въ отличіе отъ нашей домашней кошки, ни въ какомъ случаѣ не можетъ взобраться по отвѣсной плоскости. Но, какъ и кошка, онъ любитъ въ молодости точить свои когти о стволы деревьевъ.

Для своихъ прогулокъ тигръ выбираетъ обыкновенно вечерніе и ночные часы, хотя не прочь погулять и

во всякое время дня. Онъ уже отлично знаетъ всю мѣстность вокругъ своего логовища и потому, какъ только захочетъ ѣсть, тотчасъ же отправляется къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно собираются другія животныя, и дѣлаетъ на нихъ облаву. Обыкновенно это бываетъ у водопоя или у солончака, куда животныя приходятъ лизать, въ видѣ лакомства, соль. Онъ подстерегаетъ ихъ, весь дрожитъ при этомъ отъ волненія и, улучивъ подходящую минуту, бросается, какъ молнія, на животное и загрызаетъ его. Тигръ такъ смѣлъ при этомъ, что старается прежде всего наброситься на самое крупное изъ пасущихся или пришедшихъ на водопой животныхъ. Только въ крайнемъ случаѣ и, если особенно голоденъ,—тигръ довольствуется мелкими. Онъ загрызаетъ буйвола, нападаетъ на кабана, схватывается съ медвѣдемъ и цѣлыми десятками истребляетъ оленей и антилопъ. Его нападенія на дикихъ быковъ иногда проходятъ небезопасно и для него самого: въ борьбѣ за жизнь быкъ часто разрываетъ ему рогами животъ. Когда изсякаетъ въ окрестностяхъ мясная пища, то тигръ не брезгуетъ ничѣмъ: онъ ѣстъ рыбу, черепахъ, кузнечиковъ, мухъ, ящерицъ и даже охотится на крокодиловъ. Охота на крокодиловъ для него всегда особенно опасна. Крокодилъ покрытъ очень твердой шкурой, которую тигръ не всегда бываетъ въ состояннн прогрызть, и между ними всегда начи-

нается борьба. Случается, что въ самый разгаръ этой борьбы, крокодилъ со всего размаха ударяетъ тигра своимъ могучимъ хвостомъ по головѣ, оглушаетъ его, хватается потомъ за ногу своими острыми зубами и уноситъ его къ себѣ въ воду.

О присутствнн въ какой-нибудь мѣстности тигра всегда бываетъ узнать очень легко. Едва только онъ выходитъ на охоту, какъ всѣ мелкія звѣрюшки той мѣстности въ ужасѣ и съ громкими криками пускаются бѣжать и бѣгутъ уже безъ оглядки иногда цѣлыя огромныя пространства. Странно, что они такъ стремительно убѣгаютъ отъ него, когда онъ любитъ лакомиться только крупными животными, съ которыми можно вступить въ борьбу, и рѣдко трогаетъ мелкихъ. Стоитъ только пройти тигру черезъ тропическій лѣсъ, какъ всѣ обезьяны, какія только найдутся въ томъ лѣсу, бросаются убѣгать отъ него по вѣтвямъ деревьевъ, хотя онъ никогда не взлѣзаетъ на деревья и, слѣдовательно, все равно не можетъ ихъ поймать. Онъ лакомится обезьяной только тогда, когда она попадаетъ ему въ лапы на землѣ.

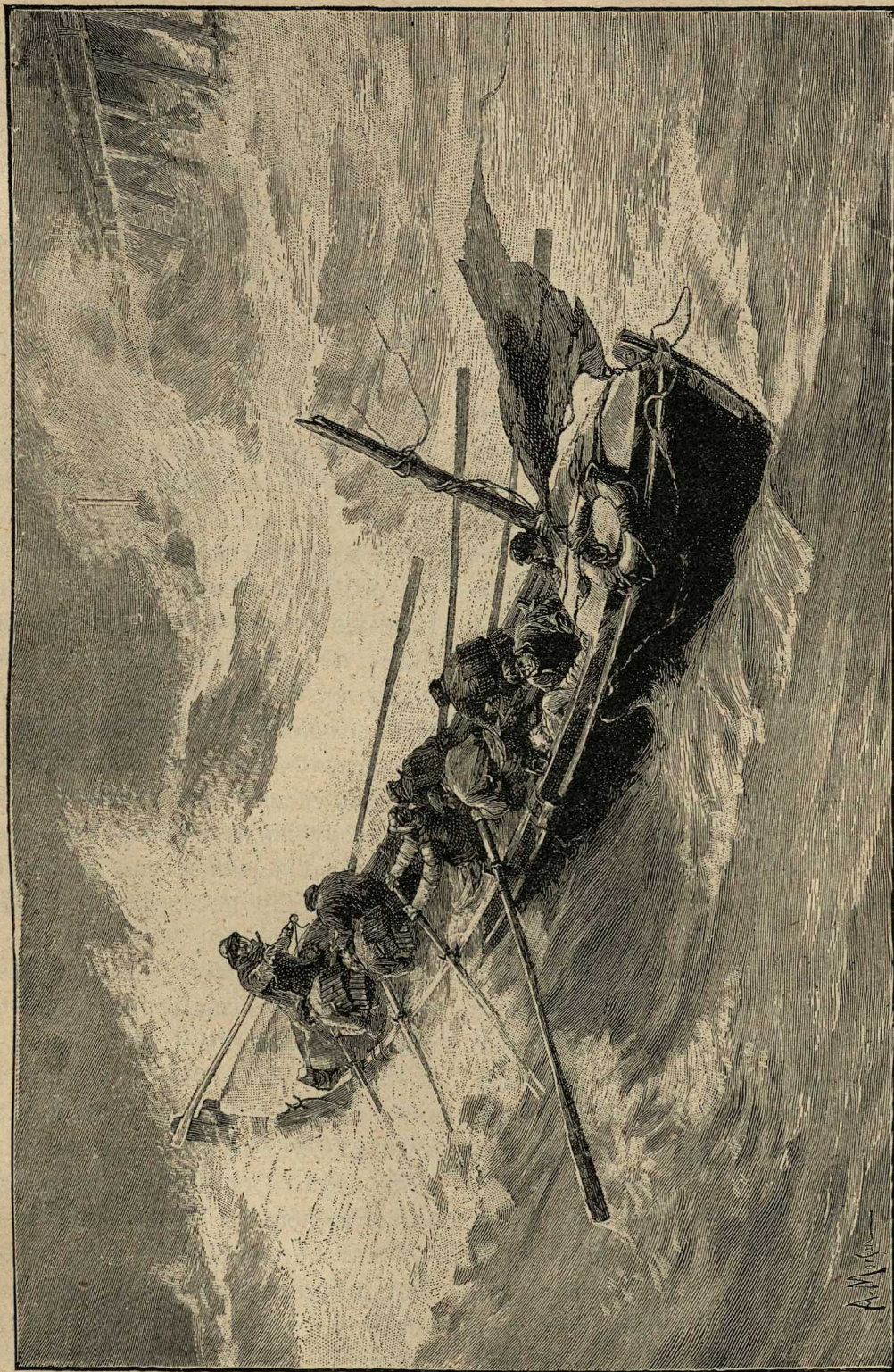
Голосъ тигра очень непріятенъ. Онъ протяженъ, жалобенъ, походитъ на ревъ большого быка. Когда онъ раздраженъ, то злобно мурлычетъ, когда нападетъ на добычу, то громко отъ радости кашляетъ, а въ минуты удивленія издаетъ звукъ «вау». Если онъ чѣмъ-нибудь испу-

гань, то кричитъ такъ: «ху-убъ». Но вообще онъ реветъ такъ, какъ быкъ, или же просто издаетъ горломъ низкіе, звенящіе звуки, напоминающіе звукъ «у-онгъ».

Но какъ бы ни былъ дерзокъ и храбръ тигръ со всѣми животными, онъ всегда проявляетъ трусость передъ тѣмъ изъ нихъ, съ которымъ встрѣчается только впервые. Такъ, онъ всегда удираетъ, трусливо поджавши хвостъ, отъ человѣка, когда видитъ его въ первый разъ. Онъ боится также и звуковъ, которые слышитъ впервые. Ружейный выстрѣлъ, котораго тигръ еще ни разу не слышалъ, приводитъ его прямо въ ужасъ. Но стѣдить только ему встрѣтиться съ человѣкомъ во второй разъ, какъ онъ уже перестаетъ его бояться и становится его самымъ свирѣпымъ врагомъ, не смотря ни на выстрѣлы изъ ружей, ни на цѣлыя облавы. Иногда онъ становится настолько безцеремоненъ, что нападаетъ на прохожихъ, залѣзаетъ въ конюшни и скотные дворы и часто положительно не бываетъ никакой возможности пройти изъ деревни въ деревню, разъ въ тѣхъ мѣстахъ тигръ объявилъ человѣку войну. Когда я былъ мальчикомъ, то моего папу послали служить въ Хабаровскъ. Тогда это былъ еще небольшой городокъ на Амурѣ, съ одной церковью и назывался не Хабаровскъ, а Хабаровка. Вмѣстѣ съ папой отправились на Амуръ и мы, его дѣти, и вообще вся наша семья. Я помню, какъ тигры

положительно напали на нашъ городъ и какъ нельзя было по ночамъ безопасно проходить по окраиннымъ улицамъ. И когда къ намъ однажды въ коровникъ забрался тигръ, чтобы полакомиться теленкомъ, и нашъ дворникъ китаецъ Чу-фин-тунъ засталъ его тамъ и заперъ его тамъ на замокъ, а затѣмъ сбѣгалъ къ папѣ за ружьемъ и застрѣлил его, то я отлично припоминаю, какъ мы всѣ свободно и легко вздохнули. Изъ шкуры этого тигра папа приказалъ впоследствии сдѣлать чучело и оно еще долго лежало у насъ въ гостиной на полу, когда мы переѣхали потомъ изъ Хабаровска въ Одессу. Но какъ бы ни былъ нахаленъ тигръ, онъ всегда боится огня: стоитъ только развести вокругъ лагеря огонь или выйти съ факеломъ въ рукахъ, какъ тигръ тотчасъ же убѣгаетъ.

По качеству пищи, которую вкушаютъ тигры, ихъ можно раздѣлить на слѣдующія три группы: на питающихся только дикими животными, на питающихся только домашними животными и на тигровъ, охотящихся только на человѣка. Тигры, охотящіеся только за дикими животными, всегда избѣгаютъ человѣческаго жилья. Они поселяются всегда въ самой глуши, гдѣ-нибудь въ камышахъ или въ кустахъ, ведутъ бродячій образъ жизни, часто далеко уходятъ отъ своего логовища вслѣдъ за переселяющимися животными и иногда даже вовсе покидаютъ его. Въ жаркое и сухое время они обыкно-

Въ бурю.

A. M. 1860

венно поселяются у воды и здѣсь не прочь бываютъ лакомиться рыбой и лягушками. Эти тигры всегда не велики ростомъ, но отличаются такою ловкостью, какою не отличаются всѣ другіе тигры.

Тигръ, питающійся домашнимъ скотомъ, поселяется всегда вблизи деревень и маленькихъ городковъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ воруетъ и душитъ скотину. Аккуратно черезъ каждые четыре или пять дней онъ умерщвляетъ и уноситъ по быку или коровѣ; телятъ и овецъ онъ даже и не считаетъ за лакомство и загрызаетъ ихъ зря, только для баловства. Обыкновенно онъ выбираетъ себѣ одну или двѣ деревни и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не истребитъ въ нихъ всего крупнаго скота. Такой тигръ — очень хитеръ, но ловокъ менѣе, чѣмъ первый, и нѣсколько крупнѣе. Съ человѣкомъ онъ обыкновенно живетъ въ ладу и старается его не трогать.

Тигръ-людоедъ — это самый ужасный тигръ. Онъ хитеръ, отваженъ, ловокъ и великъ. Чаще всего людоедками бываютъ не тигры, а ихъ самки, вѣроятно потому, что самки бываютъ вынуждены кормить своихъ дѣтенышей, тогда какъ самцы въ это время довольствуются тѣмъ, что имъ останется послѣ дѣтенышей. Однажды потерявши свой страхъ къ человѣку, тигръ смѣло нападаетъ на него во второй разъ и осиливаетъ его безъ всякаго труда. Обыкновенно онъ нападаетъ на него тогда, когда онъ

одинокъ и безоруженъ, отлично умѣя отличить, есть-ли при немъ ружье, или нѣтъ. Онъ превосходно изучаетъ всѣ привычки людей, знаетъ, когда они уходятъ и приходятъ, когда пройдутъ мимо него, и уже заранѣе становится въ засаду и начинаетъ подстерегать. При приближеніи человѣка онъ плотно прижимается къ землѣ, затаиваетъ дыханіе и вертитъ только самымъ кончикомъ своего хвоста. Затѣмъ онъ однимъ громаднымъ прыжкомъ неожиданно набрасывается на человѣка и вцѣпляется въ него когтями и зубами. Въ этой-то неожиданности нападенія и кроется все его превосходство надъ жертвой. Если-же онъ нападаетъ не на человѣка, а на какое-нибудь крупное животное и ему удается вырваться изъ его когтей и убѣжать, то онъ пускается за нимъ въ догонку и ударами своихъ лапъ старается разорвать ему жилы на заднихъ ногахъ, чтобы оно не могло уже больше бѣжать и стало поскорѣе его вѣрной добычей.

Пойманую добычу тигръ почти тотчасъ-же утаскиваетъ въ кусты и тамъ ее съѣдаетъ. Онъ никогда не ѣстъ ее тамъ, гдѣ поймалъ. При этомъ сила его прямо невѣроятно велика. Онъ легко утаскиваетъ на себѣ цѣлаго огромнаго быка или большую лошадь. Чтобы насытиться, онъ съѣдаетъ сразу до 2-хъ пудовъ мяса и всегда начинаетъ ѣсть свою жертву съ заднихъ ногъ. Пока ѣстъ, онъ часто ходитъ на водопой, много

плетъ и глубоко засовываетъ въ воду свою морду, чтобы прополоскать себѣ пасть. Затѣмъ онъ сладко засыпаетъ, просыпаясь только для того, чтобы напиться воды, и засыпаетъ снова. Только къ вечеру на другія сутки онъ принимается вновь доѣдать свою жертву.

Но не смотря на всю свою жадность, тигръ очень легко переноситъ и голодъ и жажду и можетъ долго оставаться безъ пищи и питья. Удостоверено, что въ самыя сильныя жары тигры могутъ оставаться безъ воды цѣлые десять дней.

Каждый годъ тигрица выводитъ по 2, 3 и рѣдко по 4 дѣтеныша. Только что родившіеся тигрятки гораздо меньше нашей домашней кошки. Они очень забавны. Вотъ что пишетъ о нихъ извѣстный естествоиспытатель Сандерсонъ:

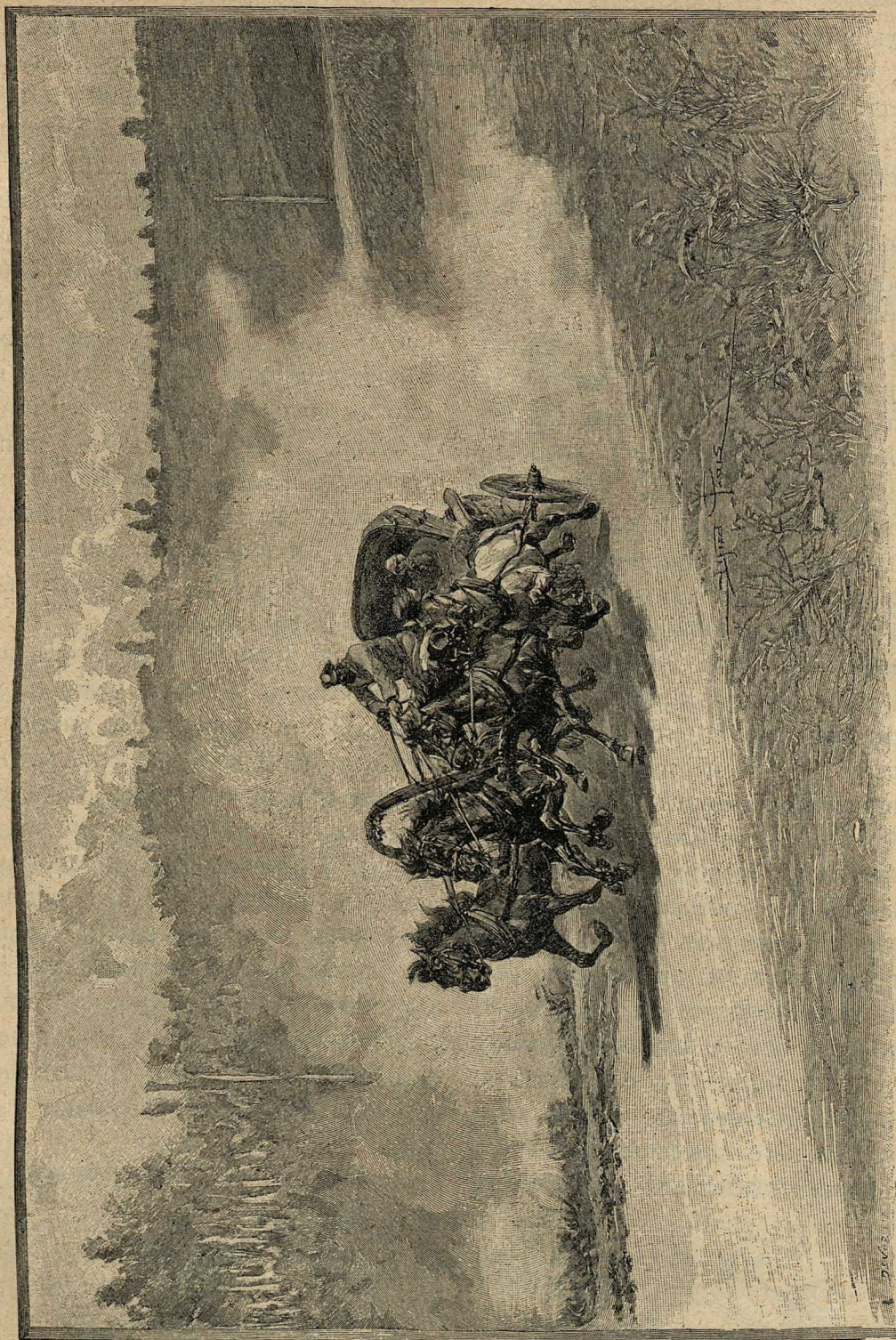
Молоденькіе тигрятки чрезвычайно привлекательны и необыкновенно добродушны. Но такими они бываютъ только тогда, если прожили при матери никакъ не болѣе одного мѣсяца. Въ противномъ случаѣ они начинаютъ бояться человѣка и уже никогда болѣе не привыкнуть относиться къ нему съ довѣріемъ. Будучи взяты отъ матки, они очень скоро привязываются къ своему господину, всюду слѣдуютъ за нимъ, вертятся у его ногъ и очень любятъ, когда онъ ихъ ласкаетъ. Обыкновенно ихъ кормятъ молокомъ, но стоитъ только дать имъ хоть маленькій кусочекъ мяса, какъ они тотчасъ-же

бросаютъ молоко и совершенно отказываются его пить. Но и отъ мяса они не перестаютъ быть добродушными. Отъ него они скоро растутъ, здоровѣютъ и ихъ шкурки пріобрѣтаютъ блестящій видъ. Въ четыре мѣсяца тигрята становятся довольно крупными животными, часто выказываютъ свою силу, но еще вполне безопасны, но съ восьмого мѣсяца они уже начинаютъ кусаться и нападать на домашнихъ животныхъ. Пока малы, они очень мило играютъ съ людьми и дѣтьми, но въ особенности красиво играютъ другъ съ другомъ или съ какимъ нибудь твердымъ предметомъ, напр. деревяннымъ шарикомъ. Они любятъ спать съ человѣкомъ подъ однимъ одеяломъ и вовсе не обнаруживаютъ обиды, когда человѣкъ ихъ прогоняетъ со своей постели. Ихъ можно пріучить къ разнымъ фокусамъ и они будутъ выдѣлывать всевозможныя штуки, которымъ научить ихъ человѣкъ.

Передъ человѣкомъ храбрымъ, не боящимся ничего, даже самыя злобныя тигры смиряются. На этомъ основано такъ называемое «укротеніе звѣрей». Укротитель звѣрей входитъ къ тиграмъ въ клѣтку, садится на нихъ верхомъ и ложится на ихъ спины и они не дѣлаютъ ему ничего. Но это только до поры, до времени. Дружелюбіе тигра къ укротителю продолжается только до тѣхъ поръ, пока тигръ видитъ въ немъ своего владыку и повелителя. Но стоитъ только укротителю усомниться въ своей силѣ

Голодный волкъ.

По столбовой дороге.

надъ нимъ и потерять самообладаніе, какъ тигръ тотчасъ-же оскаливаетъ на него свои зубы и высовываетъ когти. Тигру никогда нельзя довѣриться вполнѣ и какъ только онъ замѣтитъ, что человекъ сталъ слабѣе, чѣмъ онъ, онъ тотчасъ-же бросается на него и загрызаетъ до смерти.

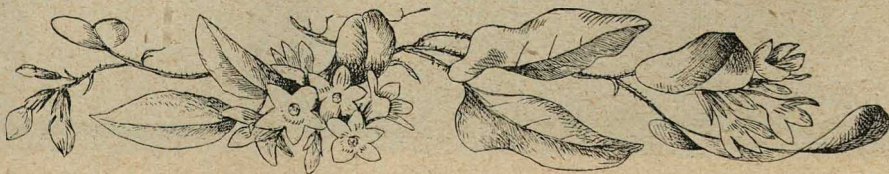
Въ Сіамѣ, въ Индіи, пойманныхъ тигровъ заставляютъ для потѣхи зрителей драться со слонами и буйволами. Вотъ что пишетъ объ этомъ Тишаръ: «Во дворѣ, обнесенный частоколомъ, ввели трехъ слоновъ съ покрытыми панцырями головами. Тигръ былъ уже тамъ, но его еще держали на длинныхъ веревкахъ. Подойдя къ тигру, слоны стали бить его хоботами по спинѣ, отъ чего тигръ свалился и долгое время пролежалъ, какъ мертвый. Но какъ только его отвязали отъ веревокъ, какъ онъ вскочилъ, зарычалъ и бросился на одного изъ слоновъ. Началась ожесточенная борьба. Тогда слонъ схватилъ его хоботомъ поперекъ тѣла и отшвырнулъ его такъ высоко, что тигръ съ громомъ ударился о землю. Послѣ этого онъ уже не осмѣливался нападать на слона, подбѣжалъ къ частоколу и сталъ на него прыгать. Тогда всѣ три слона подбѣжали къ нему и

стали ударять его своими хоботами. Но тигръ такъ разсвирѣпѣлъ, что сталъ сражаться съ ними со всѣми и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это сраженіе, если-бы сіамцы не поспѣшили увести поскорѣе слоновъ.»

Тигровъ ловятъ въ ямы, которыя вырываютъ гдѣ-нибудь по близости отъ берлоги, въ яму кладутъ какую-нибудь падаль или просто привязываютъ на днѣ ея козу и всю яму забираютъ сверху сучьями и листвою. Почувявъ добычу, тигръ бросается по сучьямъ и листвѣ, проваливается сквозь нихъ и попадаетъ въ яму. Отсюда его вынимаютъ съ помощью веревокъ, связываютъ и продаютъ въ звѣринцы.

Шкура хорошаго тигра цѣнится очень высоко и иногда даже стоитъ 1000 рублей и дороже. По мнѣнію индусовъ и китайцевъ, тигровый усъ предохраняетъ отъ укуса собакъ, а зубъ и кости—отъ волшебныхъ чаръ и сглазу. Тигровый коготь, оправленный въ золото, по ихъ мнѣнію, помогаетъ человеку имѣть успѣхъ въ жизни; но, конечно, все это пустяки и я зналъ одного китайца, у котораго всегда былъ въ карманѣ тигровый усъ, но котораго отлично искусали наши русскія собаки.

С. Вершининъ.

ДОЖДЛИВОЕ ВРЕМЯ.

Идутъ дожди... Кругомъ уныло,
Въ окошко хоть и не гляди...
Ужъ нѣтъ того тепла, что было,
И грустно, грустно впереди.

Проходятъ дни, проходятъ ночи,
А дождикъ льетъ, какъ изъ ведра,
И ждать конца его нѣтъ мочи,
Насъ тянетъ въ садъ, намъ въ лѣсъ
пора!

Въ саду затоплены дорожки,
Вода озерами стоитъ...
Хоть солнце выглянетъ немножко,
Но вѣтеръ снова тучи мчитъ.

Но съ неба льютъ и льютъ потоки,
Затихъ и птичекъ нѣжный хоръ,
И только пестрыя сороки
Летаютъ съ крикомъ черезъ дворъ.

Кузнечикъ.

ДРУЖОКЪ и ТЮМКА.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Тюмка, или какъ называла его тетюшка, «мой голубчикъ», воспитывался, какъ настоящій ребенокъ. Тетюшка сажала его за одинъ столъ съ собой, причемъ ему накрывался отдѣльный приборъ; для него была отведена особая свѣтлая, веселенькая комната, оклеенная голубыми обоями, такъ какъ Тюмка очень любилъ голубой цвѣтъ; въ нее съ утра до вечера проникало яркое солнце, и самая постелька для кота была устроена на невысокой кроваткѣ съ кружевнымъ пологомъ, на которую была положена мягкая пуховая перинка съ голубымъ шелковымъ одѣяльцемъ.

Зимою, когда становилось холодно, подъ одѣяльце къ коту клали грѣлку и, укрытый по шею, Тюмка лежалъ на своей кроваткѣ и самодовольно мурлыкалъ отъ пріятной теплоты. Какъ говорилъ дядюшка гимназиста Милашкина, такого почета не испытывалъ никогда даже и ученикъ седьмого класса.

Когда на слѣдующее утро прислуга вошла въ комнату, гдѣ на жесткомъ, клеенчатомъ диванѣ должна была спать Соня, то она нашла дѣвочку уже одѣтой.

— А что Дружокъ? прежде всего спросила Соня. — Вы уже были у него?

— Нѣтъ еще, барышня, отвѣтила женщина,—не была... Когда тутъ было? Цѣлое утро убирала въ комнатѣ у Оомки, стирала пыль, да мыла его бѣлье.

— Можно мнѣ пройти сейчасъ къ Дружку?

— Что вы, что вы, барышня?.. Прежде надо повидаться вамъ съ тетенькой, а тамъ ужъ какъ онѣ скажутъ... Пожалуйте сейчасъ въ столовую... Онѣ тамъ кофій кушаютъ и дожидаются васъ.

— А вы уже говорили тетѣ о Дружкѣ?

— Нѣтъ... Онѣ только еще вышли изъ своей спальни, такъ не успѣла... Я поговорю съ ними послѣ завтрака...

Дрожавшими руками, полная тяжелыхъ предчувствій, Соня взяла сумочку съ драгоценностями и вмѣстѣ съ прислугой пошла въ столовую. Тамъ, за большимъ круглымъ столомъ, она увидѣла свою тетю, въ большомъ чепцѣ съ лиловыми лентами, и около нея ея «милаго голубчика» Оомку, который сидѣлъ на высокомъ стулѣ за столомъ и нюхалъ изъ подставленной передъ нимъ фарфоровой чашечки молоко. На немъ, точно на ребенкѣ, была надѣта бѣлоснѣжная салфетка и сзади стояла дѣвушка, которая должна была наливать ему изъ чашки молоко на блюде.

— Ну, здравствуй!... обратилась къ Сонѣ тетя.

Соня сдѣлала ей реверансъ и, опу-

стивъ отъ страха глаза, робко подошла къ ней.

— Какъ доѣхала? спросила тетя.

— Благодарю васъ... Хорошо... едва слышно отвѣтила Соня.

— Ну, поцѣлуй меня!

Дѣвочка протянула губы и робко поцѣловала старуху въ морщинистую щеку.

— Настя, обратилась къ дѣвушкѣ тетя,—подставь барышнѣ стулъ... Только не здѣсь, а вотъ сюда... Мой голубчикъ боится, когда приходитъ кто-нибудь чужой, такъ пожалуйста подальше...

Настя поставила стулъ за три версты и тетя налила чашку кофе и подала ее Сонѣ.

— Твоя гувернантка писала мнѣ, сказала тетя,—что вмѣстѣ съ тобой она пришлетъ ко мнѣ и завѣщанные мнѣ твоей матерью брильянты... Надѣюсь, ты не потеряла ихъ?

Соня протянула къ ней сумочку, которую такъ ревниво оберегала всю дорогу.

— Вотъ они, сказала она и, снова сдѣлавъ реверансъ, подала сумочку тетѣ.

Старуха взяла ее изъ рукъ дѣвочки и строго посмотрѣла на прислугу, которая ввела Соню въ столовую.

— Ну, чего стоишь, Пелагея? обратилась она къ ней.—Тебя здѣсь вовсе не спрашиваютъ!... Можешь уходить!

Пелагея вышла, а тетюшка раскрыла сумочку и стала доставать

изъ нея одинъ за другимъ футляры съ драгоценностями.

— Одинъ... два... три... считала она,—восемь... девять... Всѣ одиннадцать. Это хорошо, что ты съумѣла ихъ сберечь и сохранить... За это я буду любить тебя такъ же, какъ и моего голубчика... Но что это онъ на тебя такъ смотреть?..

Котъ вскочилъ со стула на столъ и по свѣжей скатерти, мимо чашекъ, булокъ и кофейника зашагалъ прямо къ Сонѣ. Дойдя до нея, онъ прыгнулъ со стола прямо къ ней на колѣни, улегся на нихъ и громко замурлыкалъ.

— Голубчикъ мой! съ восторгомъ воскликнула старуха.— Онъ признаетъ тебя? Значить, ты не причинишь ему никакого вреда!

И, подойдя къ Сонѣ, она склонилась надъ Оомкой и стала его гладить костлявой рукой.

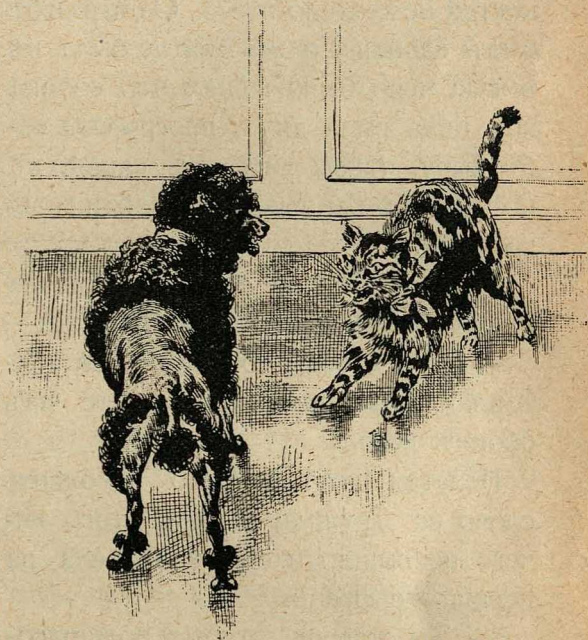
— Тише, тише... сказала она.— Постарайся не шевелиться, а то ты его побезпокоишь!

Соня сидѣла, не трогаясь съ мѣста.

— Ну, а ты, Настя, чего стоишь? обратилась старуха къ дѣвушкѣ.— Развѣ не видишь, что Оомушка задремаль? Пойди, приготовь для него постельку!

Дѣвушка собрала посуду на подносъ и вышла изъ столовой. Но такъ какъ обѣ руки ея были заняты, то она оставила дверь открытой. Какъ вдругъ въ комнату вбѣжалъ Дружокъ и съ радостнымъ визгомъ бросился

къ Сонѣ. Какъ безумный, онъ вскочилъ къ ней на колѣни, прямо на Оомку и сталъ лизать ей лицо. Оомка сыркнулъ у нея съ колѣней на полъ, отбѣжалъ къ сторонѣ, оцетинился, натопорщился, перегнулъ дугою спину и зашипѣлъ, какъ змѣя. Выждавъ, когда Дружокъ соскочилъ на полъ, онъ бросился на собаку и вцѣпился ей когтями въ морду.

Оомка отбѣжалъ къ сторонѣ, оцетинился и зашипѣлъ, какъ змѣя.

Но и Дружокъ былъ тоже не простъ: онъ бросился на своего обидчика, подмялъ его подъ себя и схватилъ его зубами за спину...

— Батюшки!.. помогите!.. кричала въ это время изъ всѣхъ силъ старуха.—Настя! Пелагея! Люди! Помогите!..

И видя своего «милаго голубчика» уже въ зубахъ у Дружка, тетюшка

лишилась чувствъ и повалилась въ кресло.

Настя, Пелагея и Соня бросились къ собакамъ и отняли отъ нея кота, затѣмъ Соня схватила Дружка за ошейникъ и въ страшной тревогѣ увела его поскорѣе въ садъ. Здѣсь, сѣвши на диванчикъ и тяжело дыша отъ волненія, Соня увидала, что лапы у Дружка были въ крови и двухъ когтей не хватало вовсе. Одинъ зубъ былъ сломанъ и вся морда была въ землѣ: ясно было видно, что собака всю ночь рыла яму и прогрызала себѣ дыру, чтобы уйти изъ сарая, въ которомъ была заперта, и найти свою госпожу.

А въ это время тетушка пришла въ себя и на всю столовую кричала:—

— У нея есть собака!.. Она приѣхала съ собакой!.. Прогоните ихъ обоихъ вонъ!

Пелагея хотѣла было замолвить слово за Дружка, но изъ этого ничего не вышло и она замолчала на первой-же фразѣ.

— Ты хочешь, чтобы я пожертвовала моимъ голубчикомъ Омушкой для этой гадкой, отвратительной собаки? кричала тетушка.— Ни за что на свѣтѣ! Никогда! Бѣдная кошечка, какъ она дрожитъ!.. Какъ сильно бьется у нея сердечко! Дай-ка сюда руку, Пелагея, приложи вотъ сюда... Слышишь? Это такая нервная, чувствительная кошка и вдругъ — подобные сюпризы! Еще одинъ такой случай и мой Омушка умретъ отъ разрыва сердца... Какъ можно ско-

рѣе нужно отдѣлаться отъ этой скверной собаки.

— Сударыня... обратилась къ ней Пелагея и положила себѣ одну руку на грудь, а другую на щеку, думая этимъ придать болѣе убѣдительности своей фигурѣ.— Сударыня... Вы подумайте только о бѣдной дѣвчкѣ, которая останется безъ этой собачки совершенно одна!.. Вѣдь она будетъ горько плакать!.. Шутка-ли сказать, какъ далеко она ее везла съ собой!

Но тетушка не унималась.

— Нужно немедленно-же эту собаку кому-нибудь отдать, приказала она.— А дѣвчкѣ скажите, будто ее кто-то укралъ. Поплачетъ, да и перестанетъ. А терпѣть у себя въ домѣ подобнаго нахала я не хочу! Слышите? Не хочу и не желаю,— вотъ и все!

И она приказала немедленно-же принять мѣры къ тому, чтобы Дружокъ былъ подальше заведенъ куда-нибудь въ горы и отданъ татарамъ, а сама велѣла запречь себѣ лошадь, чтобы ѣхать поскорѣе въ Ялту и отдать тамъ на сохраненіе привезенные Сонею брилліанты, такъ какъ, будучи скупой, она даже днѣмъ боялась воровъ.

Въ то время какъ такимъ образомъ предрѣшалась судьба Дружка и тетушка Анна Семеновна ѣхала въ Ялту, Соня стояла въ саду на колѣнкахъ около розоваго куста, около нея находился ея Дружокъ, и она его ласкала, какъ самаго близкаго своего друга. Она рыдала, въ

три ручья слезы катились у нея по щекамъ и падали на землю.

— Бѣдные мы съ тобой! всхлипывала она.—Что намъ теперь съ тобою дѣлать? Куда намъ итти?

А въ это время, въ сосѣднемъ садикѣ, стоя у самой рѣшотки, на нее смотрѣли дядя и племянникъ и не понимали, въ чемъ дѣло.

Что случилось съ вашей собакой, дитя мое? спросилъ наконецъ дядя.

Соня вскочила на ноги и покраснѣла.

— Мой племянникъ Вася, съ которымъ вы ѣхали вмѣстѣ въ вагонѣ, продолжалъ дядюшка, — рассказаль мнѣ о васъ и о вашей собакѣ, и оба вы меня очень заинтересовали. Не случилось-ли чего-нибудь съ вашей собакой?

— Конечно, случилось! съ гнѣвомъ воскликнулъ Вася.

Привлеченная ласковымъ участіемъ дядюшки, Соня подошла къ самой рѣшоткѣ.

— Ахъ, мосье, сказала она прерывающимся голосомъ, — изъ-за этой кошки моей тети, мой Дружокъ былъ запертъ на цѣлую ночь въ сарай. Тамъ онъ жалобно вылъ, рвался всю ночь ко мнѣ и подрылъ подъ стѣною дыру и убѣжалъ черезъ нее ко мнѣ. Посмотрите теперь, на что онъ похожъ!

— Славная собака! сказалъ съ восхищеніемъ дядюшка.

— А потомъ онъ подрался съ Оомкой, продолжала Соня, — но началъ первый не онъ, а сама кошка. Зна-

читъ, они теперь уже не уживутся вмѣстѣ... Что мнѣ дѣлать, ахъ, что мнѣ теперь дѣлать?

— Бѣдная дѣвочка! проговорилъ съ участіемъ дядя.—Хорошій приѣмъ ей оказываетъ эта старая кочерыжка, нечего сказать!

— Знаешь, что, дядя? вдругъ воскликнулъ Вася.—Я когда-нибудь подстерегу эту кошку въ нашемъ саду и сломаю ей шею!

— О, нѣтъ, не дѣлайте этого! испугалась Соня.—Тетѣ это будетъ очень неприятно!

Дядя строго посмотрѣлъ на Васю и, подойдя еще ближе къ забору, протянулъ сквозь рѣшотку руку къ Сонѣ.

— Дайте мнѣ вашу ручку, милое дитя, сказалъ онъ.—Я не хочу ссорить васъ съ вашей тетей, но я знаю ее отлично и, чтò бы съ вами ни случилось, прошу васъ безъ церемоніи обращаться ко мнѣ!

Она протянула ему руку, онъ поднесъ ее къ своимъ губамъ и поцѣловалъ.

— Считайте меня попросту вашимъ дядей! сказалъ онъ.—Тѣмъ болѣе, что вы круглая сирота!

— Кошка! кошка! вдругъ въ эту минуту закричалъ Вася такимъ голосомъ, точно случилось землетрясеніе.

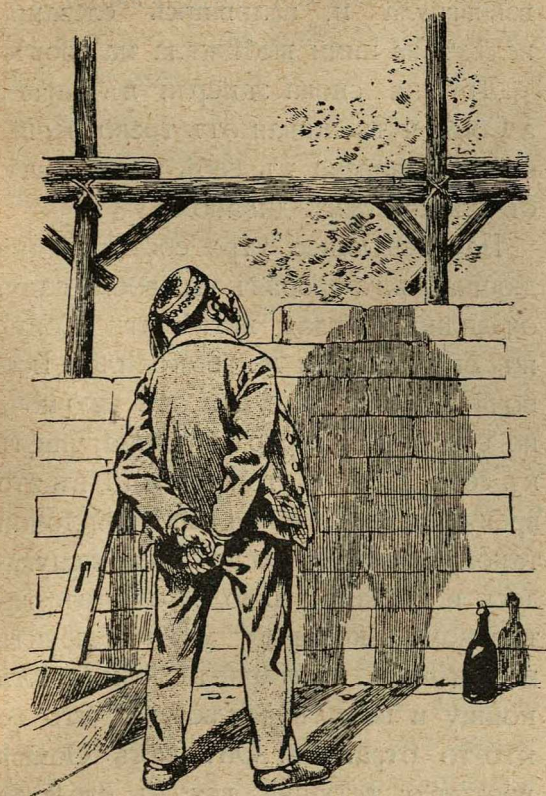
— Гдѣ? Гдѣ? спросилъ дядюшка такимъ-же голосомъ.

— Вотъ она, подъ розовымъ кустомъ! Выкапываетъ цвѣты!

Дядюшка подбѣжалъ на цыпочкахъ къ ведру съ водой, схватилъ его и

Искренняя молитва.

Заложивъ руки за спину, онъ въ послѣдній разъ съ тоскою поглядѣлъ на море.

также на цыпочкахъ сталъ подкрадываться съ нимъ къ Ѳомкѣ, который въ это время рылъ его цвѣты. Съ другой стороны къ коту подбѣжалъ Вася съ полной лейкой воды.

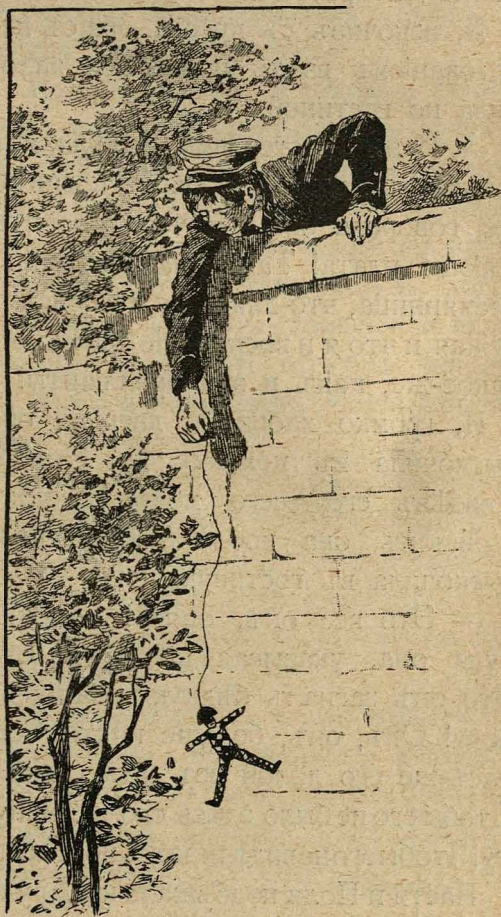
— Чу! крикнули они оба въ одинъ голосъ и, точно по командѣ, вылили на Ѳомку цѣлые потоки воды.

Неожидавшій этой ванны Ѳомка, мокрый, какъ курица, бросился со всѣхъ ногъ домой, прыгнулъ въ окошко и скрылся въ глубинѣ своей голубой, точно для дѣвушки обставленной комнаты.

Увидѣвъ, что онъ такъ бѣжитъ, Дружокъ бросился за нимъ вслѣдъ

и едва не настигъ его и чуть не схватилъ за спину. Соня испугалась, кинулась за Дружкомъ и едва имѣла силъ его остановить. А затѣмъ выбѣжали Пелагея и Настя и, полныя страха за здоровье кота, стали его укутывать въ одѣяльце и согрѣвать.

Къ семи часамъ вечера изъ Ялты вернулась тетя Анна Семеновна. На ней не было лица. Она быстро сорвала съ себя шляпу, накидку и перчатки и бросила ихъ на столъ въ передней. Затѣмъ она вошла въ го-

Онъ вскарабкался на стѣну и на ниточкѣ передавалъ ей разныя смѣшныя игрушки.

стиную и, тяжело дыша, опустилась въ кресло. Соня стояла передъ нею ни жива, ни мертва.

— Ну, ну! заговорила наконецъ сквозь зубы тетушка. — Нечего сказать! Хороши брилліанты прислала мнѣ твоя покойная мать!

И она съ пренебреженіемъ швырнула къ ногамъ Сони привезенную ею сумочку съ драгоценностями.

— Можешь эти брилліанты брать себѣ! воскликнула она. — Мнѣ не нужно такой дряни! Это не брилліанты, а простыя стекла!

И, вскочивъ съ кресла, она съ негодованіемъ вздъ и впередъ заходила по гостиной.

— И этими стеклами хотѣли мнѣ заплатить за твое будущее воспитаніе, говорила она. — Нечего говорить, хороша плата! Такъ знай-же, милая племянница, что для меня ты совсѣмъ чужая и что я и воспитаніе тебѣ дамъ такое-же, какъ и эти брилліанты!

И, громко хлопнувъ дверью, она выскочила въ комнату къ Ѳомкѣ. Увидѣвъ его всего мокраго, подъ одѣяломъ, она поблѣднѣла и снова выскочила въ гостиную.

— Это все онъ, опять! воскликнула она, указывая на Дружка. — Это онъ загналъ блѣдную кошку въ воду! Онъ, онъ, больше никто! Сейчас-же его долой изъ моего дома! Чтобы его не было здѣсь сію-же минуту! Чтобы его не видѣли здѣсь мои глаза!

Настя и Поля подбѣжали къ Дружку, схватили его за ошейникъ и вытащили его на дворъ, а Соня громко

взвизгнула и, залившись слезами, вслѣдъ за ними выбѣжала на дворъ.

Дружка снова заперли въ сарай, а Соня, чуть живая отъ тревоженій, была водворена къ себѣ въ комнату съ клеенчатымъ диваномъ.

На слѣдующее утро сосѣдній дядюшка долго бродилъ по своему саду, очевидно ожидая встрѣтить Соню, но она такъ и не выходила. Всю ночь выль Дружокъ и она всю ночь не спала. Когда-же дядюшка ушелъ къ себѣ въ домъ, то гулявшій въ это время по двору Ѳомка вернулся домой такой больной, что тетушка испугалась и послала Полю за однимъ татаринномъ, который умѣлъ лечить животныхъ. Татаринъ осмотрѣлъ кошку и вывелъ заключеніе, что ее кто-то отравилъ. Онъ далъ Ѳомкѣ рвотнаго; тетушка, вся въ слезахъ, долго растирала кошку животъ и только къ вечеру Ѳомка поправился совершенно.

— Это все онъ, — ворчала тетушка, — этотъ мой лиходѣй-сосѣдушка! Это онъ отравилъ моего голубчика!

И что дальше, то все больше и больше она вѣрила въ то, что это дѣйствительно отравилъ тогда Ѳомку ея сосѣдъ, а когда ея сосѣдка таинственно сообщила ей, что она сама своими глазами видѣла, какъ гимназистъ Милашкинъ по всему своему саду раскладывалъ повсюду какіе-то шарики, то вѣра эта превратилась въ убѣжденіе.

Спрошенный своимъ дядей, гимназистъ поклялся, что онъ дѣйстви-

тельно раскидывалъ повсюду шарики, но что это были вовсе не отравленные шарики, а маленькія луковицы тюльпановъ. Такъ дядюшка и передалъ тетушкѣ. Но тетушка не удовлетворилась этимъ и на другой-же день явились каменчики и вмѣсто рѣшотки вдругъ появилась между дядюшкой и тетушкой стѣна. Когда она была выведена только до половины, дядюшка подошелъ къ ней и, заложивъ руки за спину, въ послѣдній разъ съ тоскою поглядѣлъ черезъ нее на голубое море. Съ тѣхъ поръ онъ уже не видалъ больше ни моря, ни захода солнца, ни пышныхъ садовъ, которые спускались внизъ. Его счастье было принесено въ жертву коту.

Но эта стѣна вовсе не мѣшала Васѣ взлѣзать на нее и разговаривать съ Соней. Онъ вскарабкивался на нее и по ниточкѣ передавалъ ей цвѣты, книжки и разныя смѣшныя игрушки, которыя дѣлалъ самъ. Иногда онъ передавалъ ей подарки въ видѣ конфетъ и розъ, которые посылалъ ей его дядя. Часто съ высоты своего положенія, завидѣвъ Оомку, который въ это время блаженствовалъ на солнышкѣ, онъ пускалъ въ него цѣлый дождь безобидныхъ пуль, вродѣ косточекъ отъ черешень или бумажныхъ шариковъ, отъ чего Оомка вскакивалъ, какъ встрепанный, и въ ужасѣ мчался домой.

Все это продолжалось до августа, когда Васѣ Милашкину нужно было отправляться въ Симферополь въ

гимназію. Каникулы кончились и, собравъ свои пожитки, онъ въ послѣдній разъ взобрался на стѣну.

— Прощайте, Соня... — сказалъ онъ дѣвочкѣ, гулявшей въ это время въ саду.—До Рождества!..

— Прощайте, Вася... — отвѣтила она.

И оба долго потомъ молчали.

Затѣмъ Вася спрыгнулъ со стѣны и пошелъ садиться въ экипажъ. Соня услышала, какъ загремѣли колеса по шоссе, и глубоко вздохнула: теперь она осталась уже совершенно одна: дядюшка взлѣзать на стѣну уже не будетъ!

Недѣлю спустя, и тетушка принялась за образованіе Сони. Въ Кучукъ-Василѣ жила въ то время одна престарѣлая вдова Курилова, которая ходила въ большомъ чепцѣ и нюхала табакъ. Чтобы чѣмъ-нибудь жить, она брала къ себѣ дѣвочекъ и мальчиковъ и, за отсутствіемъ школы, съ грѣхомъ пополамъ учила ихъ читать и писать.

Къ ней-то тетушка и повела Соню.

— Поучись-ка сперва у Курилихи,—сказала она.—Благо, дешево беретъ, всего только три рубля въ мѣсяцъ... А въ гимназію попасть еще успѣешь!..

Соня послушно стала ходить къ «Курилихѣ», но никакого интереса это ученіе въ ней не возбуждало: Соня знала больше, чѣмъ сама ея учительница.

По L. Mussat.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.

Къ рѣчкѣ шумной, серебристой,
Темнымъ лѣсомъ мы пройдемъ,
На лужку вѣнковъ душистыхъ
Изъ ромашекъ наплетемъ.

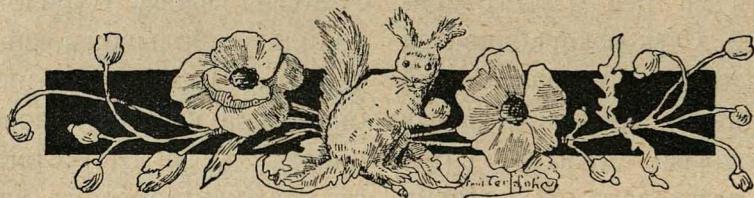
А оттуда зыбкой кручей
Быстро спустимся въ оврагъ,
Тамъ цвѣтеть жасминъ пахучій
И веселый, красный макъ.

На крутыхъ, зеленыхъ склонахъ
Тамъ, гдѣ травы такъ густы,
И шиповникъ, весь въ бутонахъ,
Протянулъ свои кусты, —

Легкій вѣтеръ шаловливо
Вдругъ прочится надъ листвою
И кузнечики пугливо
Застрекочутъ подъ травой.

Вьются пчелки, ищутъ меда,
Чуть трепещутъ камыши...
Какъ прелестна ты природа
Въ лѣтній день въ лѣсной глуши!

Е. Селунская.

ИСПЫТАНІЕ.

Въ небольшой деревушкѣ, на самомъ берегу моря, стоялъ бѣленькій домикъ, весь обвитый густо разросшимся дикимъ виноградомъ. Въ этомъ домикѣ жила вдова, тетущка Елизавета, какъ звали ее всѣ въ деревнѣ, со старушкой матерью и съ одной одиннадцатилѣтней дочерью Катей. Мужъ Елизаветы уже давно умеръ, когда Катѣ не было еще и трехъ лѣтъ. Съ тѣхъ

поръ Елизавета сама содержала всю семью. Она была очень искусной кружевницей и, благодаря своему умѣнью плести тонкія красивыя кружева, всегда имѣла заказы изъ лучшихъ магазиновъ. Кромѣ того, каждое лѣто она отдавала внаймы подъ дачу ббльшую часть своего домика, а сама съ матерью и Катей помѣщалась на это время въ кухнѣ. Катя уже два

года была хорошей помощницей матери, внося такимъ образомъ и свою долю заработка въ ихъ небольшое хозяйство. Живая, веселая, она съ трудомъ высиживала часы, назначенные матерью для работы, и все хотѣла бѣгать и веселиться. И въ самомъ дѣлѣ, отчего бы ей не быть такой свободной, какъ эти дачники, которые пріѣзжаютъ на цѣлое лѣто на берегъ моря, живутъ не отказывая себѣ ни въ чемъ, и цѣлое лѣто ничего не дѣлаютъ?

Однажды она замѣтила въ окошко, что къ ихъ дому подскакалъ верхомъ на лошади какой-то господинъ и, поговоривъ на крыльцѣ съ ея матерью, вошелъ въ домъ. Затѣмъ господинъ уѣхалъ, а вошедшая въ кухню Елизавета рассказала, что сдала ему на все лѣто ихъ домикъ.

— Господинъ сказалъ, что завтра утромъ уже пріѣдутъ рабочіе, привезутъ мебель и оклеятъ комнату новыми обоями, сказала Елизавета. А пока, Катя, пойдемъ и до ихъ пріѣзда вымоемъ хорошенько окна и двери.

Было еще раннее утро, когда изъ города пріѣхали рабочіе и принялись оклеивать комнату обоями. Катя все время съ интересомъ слѣдила за ихъ работой, первый разъ въ жизни видя такіе красивые обои, а когда еще на окна они повѣсили бѣлыя кисейныя занавѣски, то ея удивленію не было границъ.

Она невольно позавидовала тѣмъ людямъ, которые въ состояніи вѣшать

на окна такія дорогія матеріи, изъ какихъ она не имѣла бы даже и права сшить себѣ платье.

Она видѣла потомъ, какъ пріѣхалъ возъ съ мебелью, и какъ красиво и уютно обставили комнату. Она осторожно дотронулась до мягкой бархатной кушетки, пощупала атласныя одѣяла, лежащія на кроватяхъ, посидѣла немного на креслѣ съ высокой удобной спинкой, и окончательно убѣдилась, что быть богатымъ было очень хорошо.

Возвратясь къ себѣ, она швырнула на столъ полотенце и, подбѣжавъ къ бабушкѣ, крѣпко обняла ее за шею.

— Бабушка, милая, мнѣ надоѣло работать, сказала она, — я устала вѣчно плести эти противныя кружева! И она залилась горькими слезами.

— Устала плести кружева? — съ удивленіемъ спросила ее бабушка. — Но вѣдь этимъ мы живемъ!

— Ну, да, я знаю, но я не могу все время работать и не видѣть никакой радости!

— Радости у тебя много: ты здорова, всѣ тебя любятъ, хлѣбъ у насъ всегда есть, чего же тебѣ еще надо?

— Ахъ, я бы хотѣла быть богатой! съ отчаяніемъ воскликнула Катя.

— Не говори такъ никогда, строго остановила ее бабушка. — Богъ тебя накажетъ. Не всѣ люди одинаковы и равны... Кого Богъ испытываетъ бѣдностью, кого богатствомъ,

кого счастьемъ, кого несчастьемъ...
Надо быть довольной своей судьбой
и не роптать.

Катя хлопнула дверью, и вышла
изъ кухни.

На слѣдующій день всѣ встали
очень рано, и отъ нетерпѣнья вышли
на крыльцо ожидать приѣзда жиль-
цовъ.

Вотъ наконецъ около полудня на
дорогѣ показалась пыль.

Катя тотчасъ-же бросилась въ
домъ, вынула изъ банки съ водой
букетъ цвѣтовъ, обсушила намокшіе
стебельки и выскочила на крыльцо.
Подъѣхала карета, и изъ нея вышелъ
господинъ, который нанималъ дачу,
а за нимъ вышла блѣдная дама.
Затѣмъ кучеръ соскочилъ съ козелъ
и, подойдя вмѣстѣ съ господиномъ
къ каретѣ, помогъ ему вынуть оттуда
больную дѣвочку. Они тихонько по-
несли ее въ домъ, боясь сдѣлать не-
осторожный шагъ и тряхнуть боль-
ную.

Елизавета, бабушка и Катя съ
ужасомъ смотрѣли на это жалкое
несчастное существо и на бѣдную
мать, которая съ такимъ страхомъ
слѣдила за своей дочерью.

Затѣмъ дачники устроились и жизнь
потекла своимъ чередомъ.

Прошла недѣля. Однажды Катя
замѣтила, что больная сидитъ одна
въ саду и, подперевъ щечку рукою,
грустно смотритъ на разстилавшееся
передъ нею море. Катя робко подошла
къ ней и молча остановилась около
ея кресла.

— Ты не боишься меня? тихо спро-
сила ее больная.

Катя покраснѣла и въ смущеніи
опустила глаза.

— Сядь на этотъ стулъ, продол-
жала больная, и Расскажи что-ни-
будь, а то мнѣ скучно.

Катя осторожно усѣлась на самый
кончикъ стула и съ любопытствомъ
начала разглядывать дорогія кружева,
которыми была обшита надѣтая на
больной кофточка.

— А вѣдь эти кружева очень
дорогія! наконецъ сказала она, слег-
ка дотрагиваясь до нихъ.

Больная слабо улыбнулась.

— Какая ты смѣшная, сказала
она,—почему они тебя такъ интере-
суютъ?

— Потому-что мы съ мамой плетемъ
кружева, но только наши гораздо
хуже.

— А должнобыть интересно плести
кружева? Расскажи мнѣ, какъ вы
это дѣлаете!

Катя рассказала, но прибавила,
что это совсѣмъ не интересно.

— Тебя какъ зовутъ? спросила
больная.

— Катя... А тебя?

— Меня Ниночка.

Дѣвочки разговорились и незамѣтно
провели время вмѣстѣ до самаго обѣда.
Съ этого дня онѣ уже не разставались.
Катя собирала на берегу для Ниночки
раковины, приносила ей съ луга
душистые цвѣты, рассказывала инте-
ресныя сказки и осторожно возила
ее въ креслѣ по саду. Мать съ отцомъ

неустанно ухаживали за своей больной, черезъ день прїѣзжалъ докторъ; но ни живительный воздухъ моря, ни уходъ,—ничто не помогало, и дѣвочкѣ день ото дня становилось хуже.

Катя очень полюбила Ниночку, и ея страданія причиняли ей невыразимыя душевныя муки. Она похудѣла, плохо стала ѣсть и иногда по ночамъ съ крикомъ вскакивала съ постели. Часто забившись куда-нибудь въ уголь, она долго и неутѣшно рыдала, жалѣя Ниночку и ея бѣдную изстрадавшуюся мать.

— Нѣтъ, ни за какія богатства въ мірѣ не согласилась-бы я такъ болѣть! говорила она, хватаясь за голову.—Что было-бы съ бабушкой и съ мамой, еслибы я такъ захворала!

Послѣднее время Ниночка уже не вставала съ постели и все просила, чтобы Катя сидѣла около нея.

— Какая ты счастливая, Катя, говорила она ей, нѣжно поглаживая своей худой блѣдной рукой загорѣлую здоровую руку Кати.—Ты никогда тяжело не болѣла, а я всю жизнь была больна. Ты можешь бѣгать сколько хочешь, не боишься, если тебя

промочить дождь, а мнѣ все нельзя, все вредно.—Она вздохнула и закрыла глаза.—Когда я умру, Катя, ты не забывай меня,—тихо прибавила она, начиная понемножку засыпать.

А бѣдная Катя ужъ давно вся тряслась въ безмолвныхъ рыданіяхъ, боясь вытереть лившіяся по щекамъ слезы, чтобы не потревожить больную.

Докторъ сталъ прїѣзжать теперь уже каждый день, и разъ даже остался ночевать.

А когда однажды утромъ Катя проснулась, то ей сказали, что Ниночка умерла. Черезъ день изъ города привезли гробъ, положили въ него Ниночку и увезли куда-то хоронить.

Катя стояла у двери, смотрѣла вслѣдъ процессіи и ей было тяжело, хотѣлось плакать, кричать и призывать всѣ богатства въ мірѣ, чтобы вернуть къ жизни бѣдную Нину, но это было невозможно, какъ невозможно было заставить время повернуться назадъ. И она вошла къ себѣ въ кухню, упала на кровать и плакала, плакала безъ конца...

Л. И. Можяева.

ИЗРЕЧЕНІЯ.

Будьте строги къ самимъ себѣ и снисходительны къ другимъ, и вы не будете имѣть враговъ.

(Китайская мудрость).

Чѣмъ человекъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ добра и въ людяхъ.

(Паскаль).

Рѣшеніе головоломкѣ, шарадѣ и шуточныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ № 17 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Дунай, Енисей, Волга, Лена, Иртышъ, Шексна, Днѣпръ, Висла, Вазуза, Кама. II. Гусли, Тайна, Рѣпка, = Гитара. III. Жатва, Горло, РуслО = Рогожа.

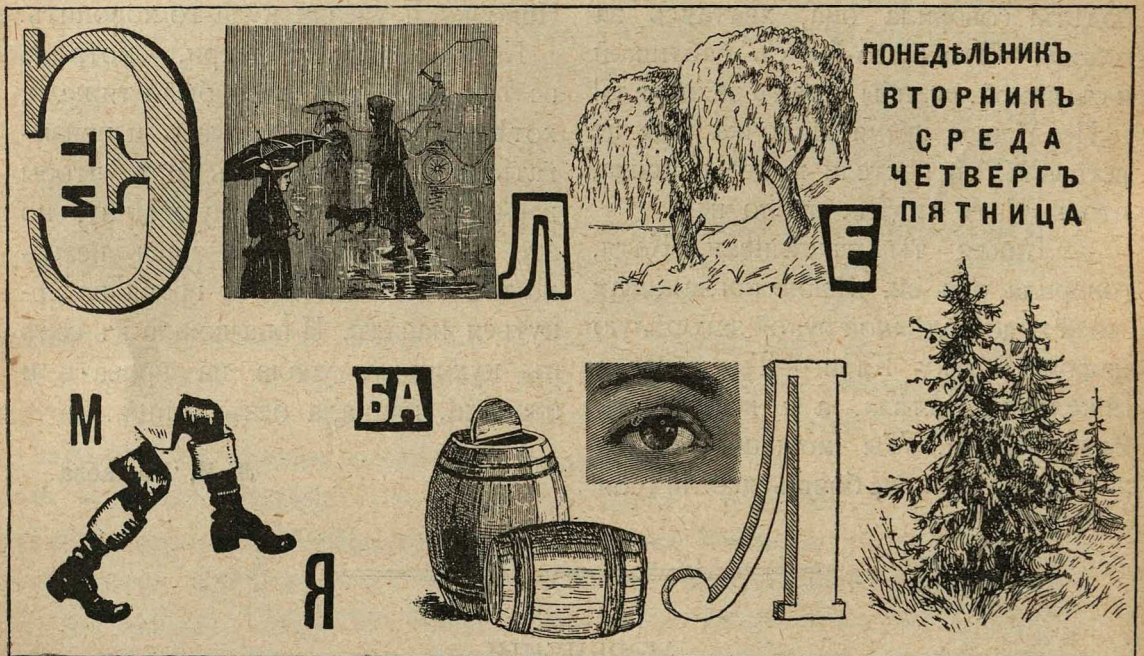
Шарады: За + байка — лье = Забайкалье, Соръ + Ока = сорока, Кипа + рись = кипарись, Каша + лоть = кашалоть.

Шуточные вопросы: 1). По землѣ, 2). По воздуху, 3). За рѣшотками.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Надя Бауеръ со ст. Неключъ, Миля Вайнштейнъ изъ Алѣшекъ, Вилосенька Петрова изъ Липецка, Сергѣй Барановъ изъ Ростова-на-Дону, Нина Бриксъ изъ Выборга, Роза Рейсеръ изъ Шполы (Кислевскій Сах. Зав.), Маруся Иванова, Коля Николаевъ, Сергѣй Калугинъ.

Вѣрныя рѣшенія задачъ изъ № 16 «Золотого Дѣтства» прислали: Вѣра Львова изъ Череповца, Поля и Нюта Петровы изъ Иркутска, Lydie Smirnoff изъ Парижа.

РЕБУСЪ № 10.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція очень проситъ своихъ подписчиковъ, въ случаѣ неполученія ими какого-либо номера «Золотого Дѣтства», сообщать объ этомъ по возможности скорѣе съ точнымъ указаніемъ, какой именно номеръ не полученъ. Это необходимо для наведенія справокъ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)
подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.,
на полгода — 1 руб. 90 коп.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ — въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3,** б) для городскихъ подписчиковъ — въ книжныхъ магазинахъ: «**Новаго Времени**» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗІЯ

В. Ѳ. ѲЕДОРОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ПЕТ. СТ., Б. ГРЕБЕЦНАЯ, 12, СОБСТВЕННОЕ ЗДАНІЕ.

Всѣ **восемь** классовъ. Элементарная школа. Дѣтскій садъ.

Основательное изученіе новыхъ языковъ. Физическое и эстетическое развитіе учащихся. Изученіе математики и физики по программѣ мужскихъ гимназій. Латинскій языкъ (для желающихъ).

Окончившія VIII-й классъ получаютъ аттестатъ на званіе домашней учительницы или наставницы и право: 1) поступить на Высшіе Женскіе Курсы и 2) имѣть аттестатъ зрѣлости (для изучившихъ латинскій языкъ).

Пріемъ въ VIII-й классъ по аттестатамъ объ окончаніи гимназій или института — **безъ экзамена.**

Плата: отъ 60 руб. до 130 руб. въ годъ, въ VIII кл. — 150 руб. въ годъ.

Подробности письменно по требованію.

Телефонъ 294—72.